

Содержание

Предисловие	4
Запах искусственной свежести.....	6
Влиться в коллектив	102
Красота по-итальянски взорвет мир	127
Еврей разъеврейский.....	138
Война в помещении и на свежем воздухе.....	154
Французский парашютист	219

Предисловие

Алексей Козлачков прослужил более двух лет в Афганистане командиром взвода минометной батареи парашютно-десантного батальона. С самым известным его произведением «Запах искусственной свежести» я познакомился на сайте Окорка.ру в 2011 году, автор получил за него премию И. П. Белкина.

«Батальон в пустыне. Солдаты Афганской войны» — своего рода «афганский» цикл автора, в котором нет брошенных десантников и расстрелов собственных солдат с вертолета. Его герои не заваливают противника трупами, не убивают и не насилуют мирное население, а напротив, вытаскивают из-под огня раненых и даже мертвых, рискуя при этом собственными жизнями. Именно такой и описывают свою службу в Афганистане авторы множества других письменных и устных воспоминаний о ней, а также знакомые мне лично солдаты.

Поэтому проза Алексея Козлачкова — не просто художественное свидетельство Афганской войны, а в полном смысле «окопная правда»... В ней есть «все, что вам нужно знать про войну»: нечеловече-

ское физическое и психическое напряжение, грязь и холод, кровь и пот, любовь и дружба, предательство и самоотвержение и, конечно, смерть во всех ее неприглядностях... Зачастую совершенно не героическая, а вполне себе незаметная — просто смерть...

И нет ничего удивительного, что сегодня оказываются востребованы его рассказы о временах, весьма уже давних. Потому что он воскрешает русского солдата — полузабытого и вроде бы совсем уже растворившегося в прошлом — солдата из русской сказки, русской истории, русской литературы. Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Запах искусственной свежести

1

Есть время, из которого я помню все запахи, хоть прошло уже много лет; для звуков же память моя не так хороша. Я помню, как пахнет первый глоток из алюминиевой фляжки, банка открываемой сгущенки, песок пустыни, ботинки из свиной кожи, верблюжья колючка, внутренности вертолета, сигареты без фильтра «Охотничьи», письмо с родины: от матушки по-своему, от невесты — по-другому, запах и вкус сильного физического напряжения, запах зеленого чая... Во всю дальнейшую жизнь я пытался найти этот чай снова, для чего я выпил цистерну зеленых чаев разных марок, но того запаха так и не нашел.

Я уже не помню, как пахнет мой впоследствии оконченный институт, не помню запахов ни одной из моих женщин, уже не помню запаха сына, запаха бесчисленных «присутственных мест», в которых довелось избывать жизнь, но я точно помню, как пахла ложка капитана Денисова, когда однажды он ее достал в горах, чтобы съесть миску плова, подаренного нам афганцами; и мы черпали ею из миски по очереди, потому что у меня не оказалось ложки в полевой сум-

ке — одни карты, стихи и любовные письма. А у него была; помню и запах этого плова.

Может быть, жара усиливает все запахи — и они прочнее врезаются в память, а может, они задержались в ней так надолго, потому что все они вместе — запахи моей юности и во всю последующую жизнь они уже не так свежи? Один из тех запахов, доставшийся мне случайно, я помню ясно и теперь, спустя годы.

Однажды я купил себе в лавке Военторга одеколон с названием «Свежесть», да купил впрок несколько пузырьков, поскольку в батальоне не было магазина и до него нужно было добираться на вертолетах на одну из крупных баз наших войск, а это за служебным недосугом случалось нечасто. Вполне возможно, что покупал одеколон даже и не я сам, а кто-то из товарищей по моему поручению и на собственный выбор: купил тот, который оказался в продаже... тем более удивительно.

Это был одеколон с мыльной эмульсией специально для обихаживания щек после бритья, поскольку в Афганистане с определенного времени уже не продавали обычного одеколona, который тут же раскупался солдатами и офицерами и употреблялся внутрь. Так командование боролось с пьянством в местности, где шла война. Ничего спиртного в Афганистане легально купить было нельзя, а нелегальное стоило

слишком дорого, поэтому простой, без мыльных добавок одеколон чаще всего сразу выпивался. В высоких штабах рассудили, что с мыльной эмульсией одеколон станет пить невозможно, по крайней мере очень неприятно — пены полный рот. Но чего не выпьешь для поднятия боевого духа вопреки штабным расчетам; самые храбрые пили и его. Мой одеколон оказался какого-то прибалтийского производства — литовского или эстонского (мы тогда Литвы от Эстонии не отличали), в пластмассовом пузырьке синего цвета, на одной стороне было написано что-то по-прибалтийски, а на другой перевод — «Свежесть». Стоил, помню, восемьдесят копеек.

Название было без фантазии, это тебе не «Русский лес», «Красная Москва» или «Кармен», но на редкость удачное, поскольку тонко была выявлена суть продукта; первое, что приходило в голову, открывши пробку, — да, это именно свежесть. Но только свежесть не естественная — утра, воды, воздуха, а это был запах искусственной, синтетической свежести, некой изначальной стерильности этой жидкости. Учужешь этот запах, и не остается никаких сомнений, что все бактерии вокруг издохнут тотчас же. Нечто подобное встречалось мне впоследствии в запахе немецких и французских туалетов:ходишь в густо-синий неоновый свет, похожий на флакон моей «Свежести», и сразу в тебя проникает чувство глубокой продезинфицированности окружающего пространства. Нужду

стараешься справить побыстрее и выскочить наружу, ибо чувствуешь, что и полезные микроорганизмы, из которых отчасти состоишь и сам, тоже стремительно отмирают.

Было у этого одеколона и еще одно замечательное качество: он будоражил какие-то участки мозга, связанные с воображением и мечтательностью. Это повторялось каждое утро после бритья: размазав жидкость по щекам, я тотчас же мягко отплывал в дальние северные пределы, в прохладный Петербург, в то время еще Ленинград, где жила моя тогдашняя невеста; мне грезился запах кофеен, мокрого асфальта, цокот ее утренних каблучков по этому асфальту, в то время как все остальные шли беззвучно, запах ветра с Невы, ветра с моря, трепет праздничных флагов и размытый свет светофора во время дождя на ленинградском перекрестке. Все это не было связано напрямую именно с запахом искусственной свежести, исходившим от этого парфюмерного продукта, но, видимо, в нем было что-то галлюциногенное. Есть же теперь какая-то новейшая технология получения отблесков счастья при помощи вдыхания клея «Момент» или ацетона. Наверное, и здесь было что-то подобное. Запах этот не отключал от действительности вовсе, он размывал ее, затуманивал и накладывал в моем воспаленном мозгу на декорации из влажного Питера — непременно влажного, занимавшего в грезах моего перегретого организма образ рая.